

СОТНИК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строим не воюют

Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА

ИРИНА ГРАД

СОТНИК

Уроки Великой Волхвы

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»
Выпуск 11

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**К78 Красницкий, Евгений Сергеевич;
Кузнецова, Елена Анатольевна; Град, Ирина**
Сотник: Уроки Великой Волхвы: роман / Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-103366-8

Каждая женщина мечтает о счастье, но его надо не только заполучить, но только сохранить и защитить, но постоянно растить и вести вперед, ибо любая остановка на выбранном пути — начало умирания. Но так уж устроен Женский Мир, что все тропки в нем — нехоженые. Никакой волшебный клубочек дорогу к счастью не укажет, по учебникам и картам её не проложишь. Хорошо, старшие могут хотя бы научить, как отличать твердую почву от опасной топи, лишь бы найти того, кто согласится учить. У Арины и Анны такая учительница нашлась — сама Великая Волхва. Ее учеба дорогого стоит, а жизнь устраивает свои «практические занятия» и признаёт только две оценки: усвоили материал — выжили, нет — кровью возьмет. И ладно, если только твоей.

Да, долг мужчин — оберегать и свою женщину, и детей, но не всегда можно положиться на крепкое плечо — иной раз приходится прикрывать мужчинам спину. А когда мужчины кто в походе, кто ранен, женщины сами заступают на мужское место и решают неженские вопросы. И берут в руки не женское оружие, а воинское железо.

Кто там сказал, что бабы строим не воюют? Еще как воюют, когда встать в тот строй больше некому. И нет у них ни права, ни времени на терзания о «слезинке ребенка», когда собственных детей того и гляди кровью умоют. Но и себя в этой битве терять нельзя, надо суметь вовремя вернуться назад, к своему мужчине. И не ошибиться при этом, кто свой, а кто чужой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий,
Елена Кузнецова, Ирина Град, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-103366-8

Светлой памяти Светланы Васильевны Карловой, ставшей прообразом одной из наших любимых героинь – Верки, и поделившейся с ней своим упорством, силой духа и жизнелюбием. И чувством юмора тоже.

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих помощников-ридеров: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Константина Литвиненко, Наталью Немцеву, Геннадия Николайца, Александра Панькова, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: Вени, Дачник, Имир, Марья, Ульфхеднар, Andre, deha29ти и многих, многих других.

Глава 1

— Конец-то! Ну, здрава будь, Аннушка! — Алексей прикрыл за собой дверь новой горницы и с улыбкой повернулся к Анне. — Соскучилась, поди? Ну, что ж ты?

Анна шагнула напрямик в объятия, прижалась и тут же отпрянула:

— Ой, прости, родной! Больно, Леш?

— Да какой там! Царапина!

«Ага, царапина! Вон как дернулся».

— Ты сядь, Леша, сядь. Сейчас кваску налью.

— Да не мельтеши ты, Анюта, — с некоторой досадой проговорил Алексей, но ковш с квасом все-таки принял, отпил немного и с интересом осмотрелся. — Обустраиваешься, я гляжу. А спишь-то где? Неужто прямо тут, на лавке?

«Ну, кто про что, а ты про постель», — хмыкнула про себя Анна и постаралась отогнать прочь легкую досаду, которая внезапно нахально влезла поперек радости от встречи: ей так хотелось похвалиться именно ему, надеялась услышать от него слова одобрения, а не снисхождения! Но не устраивать же из-за пустяка свару! Чай, не впервой пропускать мимо ушей мужские уколы и попреки. Вслух же принялась объяснять, что в новом тереме у нее не одна маленькая горенка,

как было на прежнем месте, а целые покои: вот этот ...кабинет — это слово она по-прежнему произносила с запинкой, не доверяя своей памяти, и отдельно, за дверью — опочивальня. Алексей то ли слушал, то ли просто ее разглядывал.

«Соскучился! А уж я-то как истосковалась...»

— Ну, так ты у меня и вовсе скоро боярыней сделаешься, — с добродушной усмешкой проговорил он. — Живешь теперь в тереме, на людях к тебе уже и подойти боязно: ни дать, ни взять — боярыня!

— А меня и так уже боярыней признали, Леш, — не удержавшись, с гордостью похвасталась она. — Отроки и вовсе матушкой-боярыней зовут.

— Да и пусть...

«Зовут — ладно, но ведь они и в самом деле родными детьми мне стали...»

Алексей отставил ковш с квасом и потянулся к ней:

— Я не отрок, я тебя по-другому называю, лапушка моя.

— Нет, погоди, — она отстранилась от него, пересела на место, которое потихоньку становилось привычным — за свой стол. Не такой большой, как у Мишани, и без такого множества ящичков, но тоже удобный. — Коли уж ты сам заговорил про боярыню... Спросить тебя хочу...

— Эй, ты куда? — он скорчил дурашливо-обиженную гримасу, но тут же махнул рукой, скривился и осторожно, прислушиваясь к боли, развалился на лавке.

— Ну, давай, спрашивай, чего там?

«Поймет ли он материнскую заботу? Ладно, все равно рано или поздно пришлось бы об этом заговорить».

Анна покачала головой:

— Все-таки болит. Вот об этом и хочу спросить: ну зачем ты к тому старику на мечи полез? Неужто

надо было дожидаться, пока Андрей сам сообразит и за самострел возьмется?

— Чего? — не ожидавший такого поворота в разговоре Алексей резко выпрямился на скамье и зашипел, прижав руку к боку. — Ты чего, Анюта?

«Ну вот, сразу же на дыбы встал».

Анна, ожидая встретить раздражение или гнев в ответ на свой вопрос, взглянула ему в лицо: в глазах Рудного воеводы стояло совершенно искреннее недоумение.

— О чем ты? Испугалась, что ли? — он пренебрежительно усмехнулся. — Да что со мной станется? Мальцы тебе, небось, по глупости да с перепугу ужасов всяких наговорили, а ты и поверила... Лучше иди ко мне, лапушка!

«Опять все на смешки переводит! Я же не из пустого любопытства расспрашиваю! Мишаня сказал — мальчишки из-за его самовольства и хвастовства погибли...»

Она закусила губу, но продолжила, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. Ну, должен же он понять, в конце концов, что ей и до этого дело есть! Неужели не видит, что ей и так новая ответственность непросто дается? Если уж он ее ни во что ни ставит, как тогда с другими управляться?!

— Я хочу знать, почему ты сразу не отдал приказ отрокам стрелять? Зачем сам полез?

Алексей досадливо поморщился; к недоумению добавилась досада — вот же привязалась:

— Какой еще приказ, Ань? Никак, ты головой ушиблась? Говорю же тебе, ничего страшного! И рана пустячная — всякое случается...

«Как с простой бабой говорит! Причем тут мой испуг? Что ж я, ни о чем другом и думать уже не могу?!»

Анна сдержала растущее раздражение и попыталась продолжить:

— Ты же у отроков наставником. Твое дело учить их, а не самому с мечом красоваться.

* * *

После известия о ранении Алексея, рассказа о том, как он его получил, и объяснений наставников, что к чему, Анне хватило времени подумать, поэтому при встрече на мосту она еле сдерживалась, чтобы прямо здесь, при всех не обвинить старшего наставника в небрежении обязанностями. Правда, когда Алексей с трудом, поморщившись от боли, наклонился за поданным ковшом с квасом, кольнуло: «Как еще дорогу-то выдержал, бедный?» Покосилась на Юльку — та смотрела на них во все глаза, и на её лице читалась отчаянная девчоночья зависть к недоступному пока откровенному женскому счастью...

«Вот дуручка-то — ну да, у нее свое на уме... Чего тарщишься? Лекарка ты или нет? Не видишь, что ли — больно ему».

Боярыня едва не уступила место простой женщине: потянуло припасть к стремяни, запрокинуть голову и жадно обшаривать взглядом любимое лицо. Но Анне уже столько раз повторяли, что обычные бабы слабости для нее больше не должны существовать, что она прогнала это желание, хотя чуть не проследилась от жалости к самой себе: Арина вон ни мгновение не колебалась, бегом к своему Андрею бежала, слезами его умыла, и ей даже в голову не пришло себя сдерживать. И никто ее в том попрекать не стал: в своем праве баба.

«Вот именно, баба! Ты, матушка моя, в боярыни рвалась? Ну и будь боярыней!»

И зря ты о Юльке сейчас так. На себя посмотри! Лекарка, конечно, от бабьей судьбы отказывается, ну так она мала еще, не попробовала. У тебя самой-то хватит

сил женское счастье на боярство променять? Вон она, радость твоя: сидит в седле, скособочившись, да глазами тебя буравит. А и не буравь, Лешенька, не буравь... Не Аннушка перед тобой стоит, даже не Анна, а боярыня. И ты сейчас не зазноба моя. Коли хочешь дальше по жизни со мной вместе идти, так должен понять, что у меня тоже теперь дело есть, важнее всего остального. Не для себя – для рода... Не мог же тебе Корней ничего не сказать?»

* * *

– Чего? – странный разговор раздосадовал Алексея уже всерьез. Оно, конечно, пошутковать он и сам не прочь, но сейчас, в нетерпении, после разлуки... Да и тошно, устал за эти дни, как скотина, вымотался. Ведь впервые воевал с одними сопляками, уж лучше опять с разбойничьей ватагой – с теми хоть привычно...

И сюда, к ней, шел с одной мыслью – отдохнуть, душу отогреть. И на тебе! Вот же нашла к чему прицепиться!

– Отвяжись, Анюта! Не до того мне сейчас... Хватит глупости-то... Погляди лучше, чего привез тебе – красота какая! – Алексей вытащил из-за пазухи сверток, развернул тряпицу и на его ладони сверкнуло серебром зарукавье чудной работы.

«Да что он от меня безделушками откупается!»

Анна слегка побледнела и, даже не взглянув на украшение, вздохнула поглубже, сложила руки на груди и нарочито спокойно проговорила:

– Что добычу вы взяли богатую, я уже слышала, хвалю, но я сейчас не о том... Ты, воевода, вернулся из похода, и я, боярыня Лисовинова, спрашиваю с тебя, как ты в том походе с лисовиновской дружиной управлялся, сколько отроков погубил и сколько назад привел.

— Анют, ты чего? — Алексей, все еще не веря, что она говорит всерьез, только тут и пригляделся повнимательнее к своей женщине. — Какой еще тебе спрос?!

— Ты сам меня боярыней назвал. Или от своего слова отказываешься? — издевки в голосе вроде и не слышно, но Алексей ее явственно уловил: то ли в прищуре, то ли в слегка искривленных губах показалось ему что-то... эдакое... Неприятное, то, что он доселе в Анне не только не видел, но и не подозревал. Открыл было рот, чтобы осадить, но она не дала себя перебить и повысила голос:

— Вижу, что слово твое крепко, воевода, — откуда только у баб такое ехидство лезет? И ведь не придерешься — ни малейшей ухмылочки на лице! — А потому ответствуй мне, боярыне Анне Павловне: ты зачем отроков зазря загубил? Почему сам подставился? — А последние вопросы и вовсе обвинением звучали. — Что вы, наставники, там делали? Вы в поход пошли или так, в лесочек за речкой прогулялись?

Вот тут Алексея накрыло гневом уже настоящему! Ушам своим не поверил: ополоумела она, что ли?

— Анна! Да...

Забыл про боль, вскочил, отшвырнув так и не вручённый подарок, охнул, подшагнул к столу и изо всей силы грохнул по нему кулаком:

— Ты куда, баба, лезешь? Не твое дело!

— Нет уж, мое как раз! — Анна неожиданно для себя самой почувствовала что-то вроде удовлетворения: ну наконец-то! Понял, что она не шутит, а то разговаривал как... как с бабой! Ну, сейчас ему... — Ты МОИХ отроков за болото повел! Сколько обратно вернулось, а? Отвечай боярыне, воевода! — Анна кричала, уже не сдерживаясь, и Алексей вспомнил свои слова, сказанные вот только что, вроде бы в шутку, но

оказавшиеся пророческими. Боярыня и в самом деле была грозна во гневе. Но и хороша тоже — этого у нее не отнимешь. Но вот причины этого внезапного для него скандала он и сейчас совершенно не мог понять.

Не блажила никогда его Аннушка, так чего ж теперь-то? А может?.. От внезапной надежды даже гнев отпустил. Может, в тягости она? Но если так, то пусть блажит, и не такое стерпеть можно!

— Анют, ну что ты в самом деле, ну, успокойся, — Алексей попытался уговорить ее, но не тут-то было!

— Что вы там за циркус устроили? Один с изуродованной мордой остался... Красавчик, тоже мне! Второго так и вовсе, как барана, зарезали! Ты сам вон кривишься, за бок держишься! Какого рожна ты на мечи полез? Почему не велел отрокам стрелять?

— Анна, не лезь, говорю! Я тебя не учу кашу варить, вот и ты не учи меня рать водить! — Рудный воевода изо всех сил пытался сдерживаться, но получалось все хуже.

— Да плевать мне, как ты там ратишься, ты мне обратно моих детей приведи! — Анну уже откровенно понесло: в здравом уме она никогда бы не позволила себе не только таких слов, но и такого тона. И не заметила, что боярыня, которой она так старалась стать, куда-то пропала, вместо нее опять появилась простая баба, причём баба скандальная. И орала она от души. — «Ничего страшного!» А с вдовой Анисима ты, что ли, покойника оплакивать станешь? Что я матери Георгия скажу? Что усадьбу им тут обустроят? Сдалась ей та усадьба — вместо живого сына! А обо мне ты подумал? Я одного уже похоронила, не хочу больше! Не хочу!

— Ты берега-то не теряй!

Алексей оттянул ворот рубахи, помотал головой и неожиданно даже для себя брякнул:

— Нет, знал, что бабы в тягости чудесят, но не так же!

Анна открыла было рот, чтобы выкрикнуть еще что-то, да так и осталась стоять — ни дать ни взять, рыба на песке. Не сразу до нее дошел смысл услышанных только что слов, она чуть не переспросила, о ком это он, а когда поняла, то в голову еще сильнее ударило — от обиды и разочарования.

«Так это он, выходит, не боярыню слушал, а беременную бабу ублажал? Ну, Лешенька, ну, я тебе сейчас!..»

Нет! Нельзя! Он тогда вовсе со мной считается перестанет! Анька, думай!»

Но язык прикусить уже не успела, само собой сорвалось:

— Кто тут в тягости, не знаю, сам ищи! А я еще подумаю...

И надо бы себя по губам хлопнуть, да поздно. Недоумение, обида, боль промелькнули на любимом лице и исчезли, сменившись тяжелой и холодной, как осенний туман, злостью.

— Надо будет — поищу! — отрезал воевода. — И не смей меня учить, баба! Девкам своим сопли вытирай! А об этом ты ничего не знаешь и знать не можешь! Так *надо* было! — Алексей не понял, что его больше взъярило: то ли ее непонятная попытка влезть в воинские дела, то ли внезапное крушение им же самим придуманной надежды.

Анна попыталась что-то вставить, только куда там — теперь он ее и вовсе не слышал:

— Ты *мне* в ратных делах указывать собралась? Боярыня, ишь! Не тебе с меня спрашивать! — договаривал он уже возле порога. Саданул напоследок кулачищем о косяк и хлопнул дверью.

«Встретились, называется!»

Не ко времени сунувшаяся за каким-то делом хлопка едва не получила в лоб тяжелым ковшом: Анна

с разворота чуть не швырнула его в сторону скрипнувшей двери, но выплеснувшийся квас промочил боярыне рубаху, малость остудил гнев и помог взять себя в руки.

Выслушала какой-то вопрос, что-то ответила, дождалась, пока дверь прикроется, и только потом от души шваркнула ни в чем не виноватой посудиною об стену.

«Господи, теперь еще и рубаху из-за него передевать! В этой на люди уже не покажешься! Ну, Лешка, ну, удружил!»

За дверью послышался топот ног, под окном — чьи-то голоса; отроки и девицы собирались на посиделки. Все раздражало, мешало сосредоточиться.

«Ну, никакого покоя! И подумать не дадут. Сейчас еще и на посиделках за ними приглядывай, вид боярский являй! Сил моих нет!»

Потом все-таки передела мокрую рубаху, вздохнула несколько раз, успокаиваясь, и только было собралась выйти из горницы, как услышала за окном голоса Верки и Макара. Видать, его очередь пришла за отроками присматривать, а жена за ним увязалась — языком почесать.

Вышла на крыльцо, позвала Верку, велела ей после посиделок позаботиться, чтобы девицы вовремя спать улеглись.

— А ты куда, Анна Павловна? Стряслось чего? — встревожилась Говоруха.

— Ничего не случилось. В часовню мне надо.

Верка внимательно взгляделась в лицо боярыни, что-то для себя поняла, кивнула:

— Я присмотрю тут. Иди, дело нужное.

Привычные с детства молитвы, однако, не помогли погасить раздражение и злость на Алексея с его непробиваемым мужским упрямством.